

Галина САВАТКОВА

*Начальник
на одну ногу*

Тина Сладкова

Начальник на одну ночь

«Литнет»

2026

Сладкова Т.

Начальник на одну ночь / Т. Сладкова — «Литнет», 2026

Та ночь была моей ошибкой. Моим падением. Моим самым грязным секретом. Я, примерная жена и мать двоих сыновей, сама села на колени к незнакомцу в клубе. Я получила оргазм, даже не сняв трусов — когда он ни разу меня не коснулся. И сбежала, не спросив имени. Семнадцать лет брака. Двое сыновей. И глухое равнодушие мужа, которое хуже любой измены. В тот вечер я хотела просто забыться в компании подруг. И появился он — brutальный, молчаливый, опасный. Муж простил меня. Слишком легко. Слишком спокойно. И только спустя несколько месяцев я поняла, почему. Я думала, эта ночь останется моим грехом. Моим падением. Моей самой постыдной тайной. Но судьба решила иначе. Мой новый начальник — он. Тот самый. Он делает вид, что не узнал меня. Но в его взгляде я читаю всё: помню, как ты стонала. Помню, как тряслась на моих коленях. И теперь я его подчинённая. Игра только начинается. Книги цикла можно читать отдельно
♥#История Саши:

© Сладкова Т., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пролог

Мы с Сашей и Юлькой сидели на моей кухне. Такие посиделки с подругами были обязательными раз в две недели. Из нас троих я единственная была замужем и имела двух сыновей. Девчонки были слишком независимыми, слишком свободными, и я иногда, честно говоря, завидовала им. Завидовала их лёгкости, их умению не оглядываться на чужое мнение, их способности жить так, как они хотят, а не так, как «надо».

Бутылка вина закончилась быстро. Мы переглянулись — и на волне остаточного куража и отчаяния решили рвануть в клуб. В клубах я не была наверное лет пятнадцать, если не больше. Последний раз — ещё до рождения младшего.

— Извините, вы не проходите, — сухой, безэмоциональный голос остановил нас прямо на фейс-контроле.

Перед нами возвышался, перекрывая вход, настоящая гора в чёрной футболке, с шеей шире моей головы. Его взгляд скользнул по нам оценивающе и, видимо, не нашёл ничего достойного внимания.

— Мальчик, ты что, совсем слепой? — возмущённо воскликнула Юля, выдвигаясь вперёд. — Три шикарные, умопомрачительные нимфы почтили ваш гадюшник своим вниманием, а ты что?

— Юля, прекрати! — шикнула я на неё, хватая за руку и пытаясь оттащить назад. Сердце колотилось где-то в горле — мне всегда было страшно в таких ситуациях, когда Юля начинала провоцировать кого-то явно крупнее и опаснее себя. — Простите её, пожалуйста, она... она просто очень хотела танцевать.

— Не, а чего это он такой? — не унималась Юля, уже обращаясь к нам, но так, чтобы её точно услышал охранник. — Понаберут безмозглых горилл.

— Это она не про вас! — почти крикнула я, с опаской глядя на здорового охранника. Мне казалось, что ещё секунда — и он схватит нас за шкирку и вытрясет душу.

— Всё, уходим, — решительно сказала Сашка, подхватывая Юльку с другой стороны за локоть.

— Проблемы, девушки? — раздался за спиной низкий, хрипловатый мужской голос. Мы дружно, как по команде, обернулись.

Позади стоял мужчина. Не просто мужчина, а этакое воплощение брутальности: высокий, широкий в плечах, в чёрных джинсах, плотно облегающих мускулистые ноги, в чёрной кожаной куртке и с лёгкой щетиной. От всей его фигуры так и веяло... нет, не просто тестостероном — уверенной силой, которая в таких местах, кажется, и есть главная валюта.

— Ого, — тихо выдохнула и тут же отвела взгляд, вспомнив, что я, как бы, замужем. И вот так бесстыдно разглядывать другого мужчину, пусть даже и весьма привлекательного, я не имею права. Не должна. Нельзя.

— Хорош чертяка, — громко и с нескрываемым одобрением констатировала Юля.

— Миш, — бросил мужчина охраннику, устремив свой тёмный, тяжёлый взгляд поверх наших голов. — Пропусти девушек. — Он сделал небольшую паузу и наконец опустил глаза на нас. — Они будут себя прилично вести. Правда, дамы?

— Да! — почти хором, с облегчением выпалили мы с Сашей.

— Как пойдёт, — игриво и вызывающе промурлыкала Юля, закинув голову. Её взгляд уже явно проводил инвентаризацию его достоинств.

Он лишь едва заметно улыбнулся и кивнул охраннику. Тот, без единого слова, отступил в сторону, пропуская нас в царство грохочущего баса и мигающих огней.

В клуб мы, конечно, попали. Но девочки как-то не выглядели довольными. Саша оглядывалась с таким видом, будто жалела, что согласилась. Юля, наоборот, уже выбрала цель и оценивающе разглядывала толпу. А я... ну а мне хотелось выпить. Забыться.

— Шесть шотов текилы! — заказала я, протискиваясь к барной стойке.

Саша с Юлей обменялись удивлёнными взглядами.

— Не смотрите на меня так! Мне нужно этот стресс запить. Я уж думала, этот двухметровый шкаф разозлится и буквально сломает нас троих пополам, как спички!

— Ты утрируешь, — отмахнулась Юля, уже устроившись на барном стуле и с деловым интересом осматривая «контингент».

— Скорее, преуменьшает, — хмыкнула Саша, прислонившись к стойке.

— Прошу, — сказал бармен, ловко выставив перед нами шесть маленьких стопок с прозрачной жидкостью. Сашка протянула карточку — ведь обещала, что первая платит она. — Не стоит, — остановил её бармен, едва заметно мотнув головой. — Вас уже угостили.

— Кто? — спросили мы почти хором, поддавшись чуть вперёд.

Бармен коротко, почти незаметно кивнул куда-то в левую сторону зала. Мы повернулись. В полумраке у дальнего столика был виден тот самый мужчина в кожаной куртке. Он, заметив, что мы смотрим в его сторону, медленно приподнял свой бокал с тёмно-золотистым виски и слегка наклонил его в нашу сторону — отсалютовал.

После двух шотов огненная текила сделала своё дело: настроение стремительно и необратимо вернулось на позитивную волну. Всё казалось проще, смешнее, ярче. Я сидела у бара, глядя на дикие танцы подруг в окружении молодых парней, и тихо хихикала в свой бокал с виски. А потом Сашку вдруг подхватил на руки какой-то мужчина. Мы с Юлькой вскочили было на её защиту, но оказалось, что подруга не против. И этот мужчина, как позже выяснилось, её новый начальник.

Я вдруг почувствовала себя бесконечно одинокой. Сашку унёс мужчина. Юлька уже нашла себе развлечение на вечер в виде довольно молодого и привлекательного парня и пила с ним у барной стойки, откровенно флиртуя. А я сидела над своим стаканом с виски и не могла отделаться от мысли, что моя жизнь давно идёт не так.

Домой возвращаться не хотелось. Сыновья у бабушки. Муж сидит где-то с друзьями и скорее всего домой сегодня не придёт. Как и во многие другие вечера. Я даже не злилась. Уже давно не злилась. Было только глухое, выматывающее равнодушие, которое, наверное, хуже любой ссоры.

— Скучаешь? — спросил тот самый мужчина, благодаря которому нас пустили в клуб, подсаживаясь на соседний стул.

— Не знаколюсь, — ответила, даже не повернув головы.

— Я и не предлагаю знакомство, — усмехнулся он. — Мы можем даже не говорить имена. Просто поговорить.

Я резко повернула голову в его сторону, глядя на него. И подумала: а почему бы и нет?

Что случилось дальше, я как-то сама не поняла. Вроде просто сидели, разговаривали. Я жаловалась на свою жизнь: на мужа, который меня не замечает, на работу, где меня гоняют и не особо-то ценят, на детей, которые растут, а я пропускаю их детство. Алкоголь стирал границы, и я просто ни о чём не думала. Он слушал. Не перебивал. Не давал советов. Просто слушал.

Вот мы уже сидим в вип-кабинке, огороженной плотной бордовой шторкой. Просто потому что здесь тише и можно говорить, не повышая голос.

А в следующее мгновение я сижу на его коленях. Сама залезла.

— Ты пьяна и я не стану тебя трогать, — сказал он, глядя на меня тёмным взглядом, в котором плескалось желание, сдерживаемое железной волей.

— Не трогай, — сказала с той дерзостью, которой во мне не было никогда, и наклонилась, проведя кончиком языка по его шее.

Но он действительно не трогал. Одна его рука сжимала бокал с виски, а вторая лежала на диване рядом с его бедром. Он не прикасался ко мне. Вообще.

Я двигалась на его коленях, прижимаясь своими бёдрами к его, чувствуя под собой твёрдое и весьма внушительное желание, задевая этот бугорок своим самым чувствительным местом. Платье задралось, обнажая мои бёдра. Я откинула голову, выгибаясь, продолжая танцевать и двигаться на нём.

Он молчал. Только смотрел. Не трогал. Пил виски, медленно скользя взглядом по моему телу.

А я так давно не испытывала такой страсти и такого желания, что сходила с ума. И только то, что муж меня не касался несколько месяцев, а последние пару лет секс у нас был максимум раз в месяц — могло меня оправдать. И то не факт.

Я стонала, выгибаясь и начиная тереться о него сильнее. А когда он шумно втянул воздух сквозь зубы и подался бёдрами вперёд, я задохнулась, закусила губу — и тело мелко задрожало в волне накрывшего удовольствия.

— Какая ты голодная, — сказал он хрипло, с силой сжимая руку на бокале с виски.

В этот момент, когда алкоголь немного отпустил, а страсть утихла, я замерла. Сгорая от стыда и страха, быстро вскочила с его коленей и почти побежала прочь, слыша за спиной, как разбилось что-то стеклянное.

Из клуба я умчалась с такой скоростью, будто за мной гнались. Только написала, когда села в такси, Юльке: «Я ушла, уехала домой». Сгорая от стыда и чувства вины перед мужем.

Перед мужем, который даже не заметил бы, если бы я не вернулась вообще.

Пока ехала домой, меня мелко трясло. От этого морального падения, от того, что я сама села на колени к мужчине, которого знала всего несколько часов, и получила оргазм, даже не сняв трусы. А мы даже не сказали друг другу имён. Этот стыд и совесть сжигали меня изнутри. Пусть не было полноценного секса, пусть он не коснулся меня ни разу — я всё равно чувствовала себя предательницей перед Колей. И самой грязной, падшей женщиной на свете.

Я долго мучилась после той ночи. Чувство вины грызло меня изнутри, и я сама во всём призналась Коле. Но его реакция была пугающе спокойной. Он просто сказал, что бывает, что он всё понимает и готов меня простить. Ни вопросов о том, кто был тот мужчина. Ни вопросов о том, как именно я ему изменила. Ничего. Совсем.

И это было хуже, чем если бы он влепил мне пощёчину.

Мы продолжили жить как раньше. А я искренне была уверена, что с тем мужчиной больше никогда не увижусь. И он останется просто ярким и таким порочным приключением на одну ночь. Моим грехом. Моим падением.

Как же я ошибалась.

Глава 1

— Орешкина! Живо в мой кабинет! — гаркнула Тамара Павловна, даже не удосужившись зайти в отдел. Она просто распахнула дверь, словно ураган, обвела всех тяжёлым взглядом и, заметив меня, ткнула в мою сторону пальцем с идеально алым маникюром.

В воздухе повисла звенящая тишина. Девочки, только что весело обсуждавшие новый сериал, синхронно оглянулись на меня. В их глазах читалось неприкрытое сочувствие, а Лиза даже перекрестила меня украдкой, словно я шла на эшафот. Наша «Железная леди», как мы за глаза называли главного бухгалтера, просто так никого к себе не вызывает. Если Тамара Павловна кого-то приглашала, это могло означать только одно: провинившемуся сегодня точно достанется на орехи. И не важно, в чём именно провинился — она всегда найдёт, к чему придраться.

Сердце моё тревожно ёкнуло, но я, глубоко вздохнув, встала из-за стола. Ноги слегка дрожали, но я старалась не подавать вида. Я прошла через весь отдел под прицелом любопытных взглядов, чувствуя, как в спину мне смотрят коллеги. Каждый шаг давался с трудом.

— Тамара Павловна, можно? — тихо постучавшись, приоткрыла я массивную дубовую дверь её кабинета.

— Заходи — не глядя на меня, кивнула она.

Я вошла и, как всегда, попала в царство контрастов. Кабинет был заставлен горшками с растениями — фикусами, пальмами и огромной монстерой, — создававшими иллюзию уюта и мягкости. Но на самом столе, словно отражая всю суть характера владелицы, стояла венерина мухоловка. Неприятное, хищное растение, готовое захлопнуться в любой момент. Я всегда с настороженностью косилась на этот плотоядный цветок, чувствуя в нём какую-то жутковатую магию. Сегодня же его розоватые «челюсти» казались особенно зловещими.

— Присаживайся, Катюш, — махнула она рукой на стул напротив, наконец-то оторвав взгляд от монитора.

Я села и в очередной раз поморщилась: стул был ужасно неудобным, скрипучим, и место ему было явно не здесь, а где-нибудь на свалке или в каморке с инвентарём. За годы работы я так и не привыкла к нему. Каждый раз казалось, что Тамара Павловна специально поставила этот стул для провинившихся — чтобы те чувствовали себя максимально неудобно с первой секунды разговора.

— Что-то случилось? — спросила, пытаюсь унять внутреннюю дрожь.

— Ну что ты, Катюша! Просто поговорить хочу, — неожиданно ласково улыбнулась она.

От этой улыбки мне стало ещё тревожнее. Тамара Павловна умела быть милой только тогда, когда замышляла что-то недоброе. В её ласковом тоне всегда сквозила скрытая угроза. Она ловко поставила передо мной фарфоровую чашку весёлой расцветки — с ромашками — и разлила по чашкам дымящийся чай из такого же жизнерадостного чайника.

— Как у тебя дела? Как семья? Муж, дети? — спросила она с притворным интересом.

— Спасибо, всё отлично, — вежливо ответила, сделав маленький глоток.

Чай оказался мятным и на удивление вкусным. Но вкус не имел значения. Она смотрела на меня внимательно, изучающе, и этот взгляд заставлял меня чувствовать себя мухой, которая вот-вот угодит в хищный цветок на её столе.

— А у меня, представляешь, племянница только институт закончила! — оживилась женщина, подавшись вперёд. — Хорошая такая девочка, добрая, воспитанная. Золото, а не ребёнок!

Я выдохнула с облегчением. «Ясенько, — пронеслось у меня в голове. — Железная леди решила пристроить кровинушку в наш отдел, а меня, как самую опытную, назначить ей в помощь и наставницей».

Я даже немного успокоилась. Начальница, при всей своей жесткости, за такие «одолжения» обычно хорошо награждала — премией или отгулами. Может, удастся выбить себе прибавку к зарплате за наставничество?

— Я поняла, Тамара Павловна, — сказала, изобразив понимающую улыбку. — Можете не продолжать.

— Вот и славно, вот и замечательно! — пропела начальница, довольно потирая руки. Затем она выдвинула ящик стола, достала оттуда чистый лист бумаги и, торжественно положив его передо мной, добавила: — Пиши.

Я удивлённо посмотрела на лист, потом на неё.

— Что писать? Заявление на совмещение? Или план стажировки?

— Как что? — искренне удивилась она, будто я сказала глупость. — По собственному, конечно! — И она пододвинула ко мне ручку.

Мир рухнул в одно мгновение.

Я смотрела на неё, не веря своим ушам. Это была не помощь. Это была подстава. Она не племянницу ко мне приставить хотела — она под племянницу место освободить решила.

— Но... — только и смогла выдавить я.

— Катюш, давай без «но», — перебила она, и её голос вновь стал металлическим.

— Нет, — во мне вдруг вскипела злость. — Я работаю здесь уже пять лет. И работаю хорошо. У меня нет ни одного выговора, только благодарности. Вы не имеете права меня так просто выкинуть!

Именно сейчас я прекрасно поняла, о чём мне постоянно твердила подруга Юлька. «Катя, ты мягкая, ты добрая, но мир не прощает этой доброты, — говорила она. — Ты должна уметь огрызаться». Я, конечно, мягкая, но работа эта — моя. Зря я, что ли, столько лет вкалывала, брала сверхурочные и тянула на себе чужие отчёты?

— Ой ли? — закатила глаза Тамара Павловна, теряя остатки притворного дружелюбия. — Понимаешь, Катя, у Светы и Лизы, скажем так, есть покровители.

Она начала загибать пальцы, перечисляя то, что я и так знала: у одной папа — друг какого-то важного начальника из головного офиса, у другой, по слухам, любовник среди верхушки нашей фирмы. Я слушала и чувствовала, как внутри всё закипает. Пять лет я вкалывала, тянула на себе всю работу, а увольняют меня потому, что у меня нет «покровителей».

— Я ведь не злодейка, — продолжила она вкрадчиво, наклоняясь ко мне. — Я тебе предлагаю уйти красиво: с хорошими рекомендациями, с премией и даже с двойным окладом при увольнении. Ты же не хочешь ссориться со мной, Катюш? Ты же знаешь, чем это может кончиться.

Уж что-что, а ссориться с «железной леди» было глупо и чревато. Ленку, которая работала в нашем отделе до меня, уволили по статье. За что и почему — никто толком не знал, история была тёмная. Но все поговаривали, что дело было в том, что она чем-то насолила начальнице, и та вот так с ней расправилась.

Я взяла ручку. Пальцы слегка дрожали, но я заставила себя успокоиться. Быстро, размашисто написала заявление, поставила подпись и, не проронив больше ни слова, молча вышла из кабинета. Внутри меня словно выключили свет.

Так же молча я вернулась на своё место. За много лет я так мастерски научилась скрывать и подавлять свои чувства и эмоции, что сейчас, сидя за своим столом, я не злилась, не психовала и уж тем более не собиралась плакать. Я просто смотрела в монитор, чувствуя на себе любопытные взгляды Лизы и Светы. Их любопытство было почти осязаемым, оно давило на плечи, требовало объяснений.

— Всё нормально, девчонки, я увольняюсь, — сказала ровным голосом, глядя в экран.

Они было кинулись меня успокаивать, запричитали, заохали, но, поняв, что я не бьюсь в истерику и не собираюсь рыдать, быстро потеряли ко мне интерес и занялись своими делами. Свои-то рабочие места им нужно было сохранить. Я их не винила. В этом мире каждый сам за себя. Особенно здесь, где «покровители» решают всё.

«Ничего, — подумала, складывая вещи в сумку. — Я найду себе что-нибудь другое. Лучшее». Теперь-то мне не нужно засиживаться до поздна, вкалывая за ту же Светку, которая вечно уходит ровно в шесть. Всё равно это никто не ценил. Теперь и чужую работу делать мне не надо.

Впервые за долгое время я уходила с работы не в десятом часу вечера, а в начале седьмого. Домой возвращалась намного раньше обычного, наслаждаясь свежим воздухом и закатным солнцем. Я шла по улице и чувствовала странное опустошение — смешанное с какой-то пугающей свободой. Будто у меня отняли что-то привычное, тяжёлое, но при этом сняли с плеч многолетний груз.

По дороге домой я наивно полагала, что хуже этот день стать не может. Я даже начала строить планы: отдохну пару дней, подумаю, куда пойти дальше. Как же я ошибалась.

Если бы я только знала, что меня ждёт за дверью моей собственной квартиры, я бы, наверное, ещё полчаса постояла в этом парке, глядя на закат. Потому что то, что ждало меня там, перечеркнуло всё, что случилось на работе.

Глава 2

Войдя в квартиру, я сразу поняла: у нас гости.

В прихожей, словно два маленьких произведения искусства, стояла пара изящных бежевых лодочек на невысоком каблуке. Я такие же хотела полгода назад, когда мы с Юлькой ходили по магазинам, но цена оказалась кусачей, и мне стало жаль денег. «Купишь что-то попроще, Катя, ты же практичная», – сказала я себе тогда. И купила. А теперь смотрела на эти туфли и почему-то улыбалась.

На вешалке, рядом с моим старым пуховиком, висело пальто нежного пудрового цвета. Весьма легкомысленное, надо заметить, пальтишко. Конечно, на улице почти весна, но конец февраля в этом году выдался холодным, с пронизывающим ветром. Девушка, видимо, либо очень смелая, либо очень торопилась в гости, что забыла о погоде.

Мысли в голове скакали, как сумасшедшие, и всё вокруг казалось каким-то нереальным, даже забавным. Я разулась, скинула пуховик прямо на банкетку, даже не повесив, и бесшумно прошла в гостиную.

Я замерла на пороге, увидев то, что, в глубине души, уже ожидала увидеть. Прислонившись плечом к косяку, я наблюдала весьма занимательную картину. Мой муж сидел на диване, развалившись и расставив ноги, а между ними мельтешила кудрявая черноволосая голова. Мельтешила быстро, ритмично и настолько профессионально ловко, что я даже залюбовалась. Прямо хоть уроки у неё бери.

— Катя?! – испуганно воскликнул муж, дёрнувшись.

Девушка от неожиданности резко отпрянула от него, вытирая губы тыльной стороной ладони. Красивая, ничего не скажешь. Молодое упругое тело, аккуратная грудь второго размера, огромные глаза. И даже слюна, блестящей ниточкой стекающая с припухших губ по гладкому подбородку, нисколько её не портила. Наоборот, придавала картинке какую-то порочную, глянцевою завершенность.

— Хороша, – спокойно сказала я, проходя в комнату и с наслаждением опускаясь в мягкое кресло рядом с диваном. Ноги гудели после рабочего дня, и кресло показалось особенно уютным. – Как только тебе удалось её соблазнить, Коль?

— Ты не имеешь права мне сейчас ничего высказывать! – взвился он, суетливо подбирая с пола семейные трусы и натягивая их. Щёки его горели. – Сама-то не лучше! Я помню, как ты три месяца назад...

— Я и не высказываю, – пожала плечами, с неподдельным интересом наблюдая за тем, как девушка в спешке натягивает платье через голову. Платье было дешёвое, синтетическое, но на ней сидело неплохо. – И не требую ничего.

— Я... Мне... – залепетала любовница, наконец справившись с одеждой. Её лицо пошло красными пятнами. – Я не знала, что он женат! Честно!

— Не переживайте так, девушка, – я перевела на неё спокойный взгляд. – Ненадолго. Коль, мы разводимся.

— Чего? Зачем? – опешил он, натягивая джинсы. – Ты гульнула, я гульнул – мы квиты. Я усмехнулась. Как же он не понимал.

— Да, можешь всем так и говорить, – я подперла голову рукой, чувствуя небывалую лёгкость. – Что развелись, потому что я тебе рога наставила три месяца назад. Очень удобная версия. Ты же, кстати, – я обвела рукой их двоих, сидящих на диване как провинившиеся школьники, – не сказал бы мне об этом? Ну, о вашем маленьком хобби?

Коля промолчал, набычившись и глядя в пол. Молчание было красноречивее слов.

— Я мужик, Кать! – взорвался он вдруг, видимо, решив перейти в нападение. – Нормальный, здоровый мужик! Мне нужна живая, страстная женщина, которая... которая будет хотеть меня! А не...

— А не кто? – мой голос прозвучал тихо, но он почему-то осекся. – Договаривай, раз начал.

— А не кусок льда! – выпалил он. – Ты же холодная, как айсберг. Лежишь, как бревно, никаких эмоций. С тобой же скучно!

Я задумалась. Семнадцать лет. Семнадцать лет с человеком, которому со мной скучно.

— Ну прожил же со мной семнадцать лет, – констатировала я вслух. – Терпел.

— С трудом! – он уже не мог остановиться. – Я же пытался тебя растормошить, в кино звал, на природу, а ты вечно уставшая, вечно с работы поздно. А потом эта твоя измена... – он махнул рукой. – Один плюс – красивая и не разжирела, как другие бабы в твоём возрасте.

Вот она, любовь всей моей жизни. Романтик, блин.

— Я, наверное, пойду, – еле слышно пролепетала девушка, теребя в руках сумочку. Ей было лет двадцать пять, не больше. И смотрела она на меня сейчас с таким ужасом, будто я её сейчас съем.

— Нет-нет, что вы, сидите! – я встала с кресла, поправив блузку. – Это я пойду. Вы тут, видимо, не закончили. Не буду мешать.

Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя спиной их растерянные взгляды.

У самой двери меня нагнали. Коля схватил за руку, разворачивая к себе. Конечно, спустя почти двадцать лет от того красивого семнадцатилетнего парня, от которого у меня когда-то захватывало дух, мало что осталось. Но он всё ещё оставался привлекательным мужчиной, если смотреть со стороны.

Только вот рядом с ним мне было пусто.

Именно пусто. Я осознала это только сейчас, глядя в его злые, испуганные глаза. Не три месяца назад, когда, обиженная на вечное равнодушие, пошла с подругами в клуб и позволила себе вольность с первым встречным. Не потом, когда мучилась, вымаливая прощения и чувствуя себя последней тварью. Сейчас, когда он касался меня, мне не было противно. Мне было никак.

— Давай без драм, лады? – его голос звучал примирительно, но глаза бегали. – Я сейчас провожу Настю, вернусь, и мы спокойно поговорим. Как взрослые люди. Всё решим.

Он отпустил меня, чмокнул в щеку — меня передёрнуло от этой фальшивой нежности — и, подхватив всё ещё трясущуюся Настю под локоток, повёл в коридор.

Но тут резко открылась дверь.

И моё сердце действительно больно сжалось.

Мальчишки вернулись с тренировки.

Я выскочила в коридор, и мы замерли — три статуи в прихожей. Костик и Лёня стояли, не двигаясь, напротив своего отца, который замер под руку с другой женщиной. Костик сжимал кулаки и смотрел с огромной ненавистью на отца. Мои мальчишки уже большие — Костику шестнадцать, Лёне четырнадцать, и они давно вымахали ростом с Колю.

И сейчас мой старший сын, который так всегда уважал отца, резко бросился вперёд и ударил Колю кулаком в челюсть.

— Костя! — вскрикнула я, бросившись вперёд, чтобы разнять, но меня перехватил Лёня, удерживая на месте и смотря мрачно на драку.

Эта девушка, Настя или как её там, визжала. А я дёргалась в руках младшего сына, чтобы разнять драку старшего с отцом.

— Лёня, отпусти меня! — крикнула я, повернувшись к сыну.

— Нет, — только и бросил сын, сильнее сжимая меня.

А Костик яростно дрался с Колей, нанося тому удары по лицу и получая в ответ. Они катались по полу, не уступая друг другу ни в силе, ни в ярости.

— Коля, прекрати! Хватит! Он ребёнок! — кричала я. Руки похолодели и дрожали. Это было самое страшное зрелище в моей жизни.

Я повернулась к любовнице мужа и гаркнула:

— На кухне вода, возле раковины в ведре! Живо неси!

Она замерла, а потом метнулась в кухню и вернулась с ведром, полным грязной воды. Я с утра протирала полы и не успела вылить. Девушка испуганно замерла с ведром в руках. Я кивнула на дерущихся на полу мужа и сына.

— Лей!

Она секунду колебалась, но потом резким движением окатила их водой. Они замерли, а после отскочили друг от друга, отплёвываясь.

— Отпусти, — сказала я строго Лёне, и он наконец разжал руки.

Я подошла к мужу и вlepила ему пощёчину. А затем так же молча подошла к Костику и отвесила ему подзатыльник.

— Ты что себе позволяешь? — спросила сына, запрокинув голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Он посмел тебя унижить! — крикнул Костя, сжимая челюсть и не отводя от отца горящего взгляда.

— Развернулись и вышли из квартиры. Ждите меня возле машины, — сказала я сыновьям и повернулась к мужу.

Дети недовольно засопели, но всё же вышли.

— А ты, — сказала я Коле, тяжело вздыхая, — я не знаю, как ты будешь это исправлять. Я с ними поговорю, но ты посмел драться с ребёнком как со взрослым мужчиной. И посмел привести любовницу в квартиру, где живут наши дети. Неужели не было других мест, Коль?

— Ты не лучше! — огрызнулся он, но уже не так уверенно. — Этот, как ты выразилась, ребёнок меня отделал будь здоров. — Он даже как-то с уважением и гордостью в голосе посмотрел на дверь, за которой скрылись сыновья. — Не зря платим за его секцию по боксу.

— Не зря, — спокойно согласилась, натягивая пуховик.

— Ты их к маме? — спросил Коля. Было странно после всего вот так спокойно разговаривать, но во мне уже не было никаких сил.

— Да, — ответила, хватаясь за ручку двери.

— Отвезёшь, приезжай, поговорим, — только и сказал он, когда я вышла.

Сыновья стояли возле моей машины. Подарок мужа на годовщину свадьбы лет пять назад — не особо дорогая, но вполне хорошая. Я старалась отвлечься на любые мысли, только бы не думать о том, во что превратилась наша с мужем жизнь и как теперь это скажется на детях.

— Садитесь, — сказала сыновьям, садясь за руль.

Они сели на заднее сиденье, и я завела машину, вырливая с парковки.

— Мальчики...

— Мам, не надо, — бросил Костя, смотря в окно. Нижняя губа была разбита, на левой скуле расплывался синяк. — Мы не маленькие, чтобы объяснять *это*.

— Кость, он твой отец, и ты не имел права поднимать на него руку, — сказала строго, смотря в зеркало на него.

— А он? Он имел право? — неожиданно серьёзно и зло спросил Лёня, смотря в мою сторону. — Мы ему полгода назад уже говорили, чтобы больше не...

Сын резко осёкся и замер. Костя повернулся, смотря недовольно на брата.

— Не слушай его, мам, — процедил старший.

— Как же тяжело, — вздохнула я, не зная, как найти правильные слова. — Мальчишки, это наши с папой дела. И это всё не значит, что он не любит вас. Не значит, что он плохой.

Просто мы взрослые, и иногда так бывает, что чувства гаснут. Но он был и остаётся вашим отцом. Я на него не злюсь, — сказала спокойно, внимательно смотря на дорогу.

— Но... — было вскинулся Костя.

— Без но, — перебила его, заруливая во двор, где прошло моё детство. Вот с кем не хотелось объясняться, так это с мамой. — Пока поживёте у бабушки, ладно? От неё всё равно ближе и к школе, и к секциям.

Дети не смотрели на меня, но по лицам я прекрасно видела, что они со мной не согласны. Совсем.

— А чего это вы... — открыла дверь мама и замерла. — Костя! Это ты где? На секции своей? А я говорила, что бокс — это не безопасно! — запричитала мама, впуская нас внутрь.

— Нет, — сказала я, останавливаясь в прихожей, когда сыновья разулись и зашли в квартиру, уходя в комнату. — Это он с Колей подрался.

— Как это? — изумлённо округлила мама глаза.

— Застал его с любовницей, — сказала я ей спокойно.

— А я говорила — он кобелина! Надо было тогда не давать своё разрешение на брак. До добра эти замужества в семнадцать не доводят, — вздохнула она протяжно. — Воспитали бы Костика сами... Но чего уж теперь. Заходи, дочь, поговорим.

— Да не о чем говорить, мамуль, — сказала я ей. — Мальчики у тебя поживут какое-то время? Ну пока всё не уляжется.

— Да конечно. Уместимся как-то. Ты вон со мной можешь в комнате лечь, кровать большая, поместимся...

— Нет, я... — я покачала головой. — Мне нужно немного пространства, спокойствия. И мальчишкам нужно остыть без встреч со мной и Колей.

— И что? К этому вернёшься? — вскинулась было мама.

— Нет, у подруги поживу, — твёрдо сказала я. — Не хочу тебя стеснять и мальчишкам своим присутствием напоминать о случившемся.

Попрощавшись с мамой и крикнув сыновьям, чтобы если что звонили, я вышла.

Пусть. Пусть я плохая мать и, как оказалось, никчёмная жена. Но сейчас я поняла, что мне нужна передышка. А не разговор с мужем или общение с обиженными детьми.

Села в машину и поехала сначала в нашу квартиру — благо мужа не было, видимо, поехал провожать свою пассию. Быстро покидала в небольшую спортивную сумку вещей первой необходимости и поехала к Саше. Подруга как раз на несколько дней уезжает в Москву — выиграла какой-то тайный конкурс, проводящийся в компании. Я рассчитывала хотя бы несколько дней пожить в её квартире, пока Саша будет в Москве.

Мне не было больно. Не было страшно. Не было обидно.

Впервые за много лет мне было легко.

Словно сама жизнь, устав от моей трусости и бесконечных попыток угодить всем вокруг, схватила меня за шкуру и со всей силы толкнула прочь из этого болота, в котором я увязла по самую макушку.

Ненавистная работа, где меня использовали как бесплатный ресурс. Нелюбимый муж, которому я была нужна только как удобный «кусочек льда» и домработница. Просто страшно было что-то менять. А сейчас этого страха нет. Исчез. Испарился вместе с той противной сладкой горечью во рту, которую я всегда ощущала, когда пыталась «сохранить семью».

Я не хочу провести остаток жизни в бесконечных попытках наладить, угодить, склеить, закрыть глаза и терпеть. Или сейчас, или никогда. Это я понимала так же чётко, как и то, что мой муж изменяет мне много лет. Уверена, эта Настенька — не первая и не последняя.

Как же я раньше не замечала? Вот почему он так спокойно отнёсся к моей измене. Ему это было даже выгодно! Чувство вины, которое душило меня все эти месяцы, оказалось для него золотой жилой. Рычагом давления, кнутом, возможностью делать теперь всё, что угодно, и тыкать меня носом: «Ты первая начала».

Глава 3

Я сидела за рулём машины возле дома подруги. И как раз в этот момент раздался звонок. Муж.

Я ответила.

— Ты где? Почему вещи разбросаны в спальне? — раздался в трубке его требовательный голос.

— Я ушла от тебя, — сказала спокойно, глядя на приборную панель. Голос не дрожал. Я сама удивилась.

— Кать, чего ты этим добиваешься? Чтобы я побегал? Умолял? — спросил он, начиная злиться. В его голосе не было боли. Было раздражение.

— Ничего. Я от тебя ничего не хочу, Коль. Даже общаться с тобой сейчас не готова.

— Вот поэтому у нас всё и разрушилось! — сорвался он. — От тебя никаких эмоций! Да если бы я последние лет десять... — Он осёкся, резко замолчал.

Но я всё прекрасно поняла.

Я сжала руль так, что побелели костяшки.

— На развод подам сама, — сказала всё так же спокойно. — Когда буду готова общаться — позвоню. Давай без этого всего. Сохраним уважение к совместным годам.

Я сбросила звонок.

Откинулась на сиденье, сжимая руль руками. Вот сейчас стало действительно больно. Десять лет. Десять лет из семнадцати у моего мужа были другие женщины. А я не замечала. Не хотела замечать. Ещё и себя гнобила за тот порочный эпизод в клубе.

Какая же дура.

Слёзы всё же полились. Это было слишком. Я держалась после увольнения, после того как застала мужа с другой в нашей квартире, после драки сына с Колей. А вот этот разговор стал словно последней каплей. Вот так походя, между делом, он сказал, что десять лет изменяет мне.

А я ведь тогда ещё любила.

И эти слёзы, которые катились по щекам, были именно болью за ту любовь. За ту девочку, которая в семнадцать лет верила, что навсегда. За те годы, которые она отдала человеку, который её даже не уважал.

Я позволила себе немного поплакать. Потом выдохнула. Вытерла лицо. И вышла из машины.

Поднялась к Саше.

— Ого, какие люди, — сказала она, открыв дверь. Я понимала, что уже начало десятого, но знала — подруга не спит в такое время. — Проходи. А ты чего так поздно? Тебя дома не потеряют?

— Уже потеряли, — ответила иронично, заходя и начиная стаскивать верхнюю одежду.

— Тааак, — протянула Сашка, включая чайник и заглядывая мне в глаза. — Ну давай подробнее.

— Я от мужа ушла. — Я села за стол, положила голову на сложенные руки и уставилась в одну точку на стене. — Представляешь? Оказывается, не я первая изменила. Господи, если бы я только знала, что он гуляет уже лет десять, давно бы ушла. Десять лет, Саш. Большую часть нашей совместной жизни.

Чайник закипел. Саша разлила чай по кружкам, поставила одну передо мной, вторую взяла себе.

— А дети? — спросила она тихо.

— А что дети? — усмешка вышла жалкой и горькой. В глазах снова стали собираться слёзы. — Взрослые уже мальчики. Они всё понимают. Даже лучше меня, оказывается. Я всё думала, почему Лёня последний месяц с отцом не разговаривает. Думала, подростковый возраст, переходный период, гормоны. А он, представляешь, эту свою мадам к нам в дом таскал. В нашу квартиру. — Я сжала кружку так, что пальцы побелели. Душила обида и злость. Не за себя — за детей, которые оказались втянуты в грязные игры взрослых. — Хоть бы детей постыдился, козёл. Ну и мальчишки застали их в самый... пикантный момент. Вернулись пораньше с тренировки, а там такое.

— Кать... — Саша села рядом, накрыла мою руку своей.

— Короче, я к тебе рванула. А мальчишек к маме отправила, пусть пока у неё побудут. Не хочу, чтобы они это всё видели, чтобы он к ним лез с оправданиями. — Я с надеждой подняла на подругу взгляд. — Саш, можно у тебя пожить? Пока не найду нормальную квартиру? Ты ж всё равно уезжаешь, я как раз присмотрю за всем. За цветами, за порядком.

— Да конечно, — подруга меня обняла, крепко, тепло. И я вдруг почувствовала себя такой уставшей. — Живи сколько хочешь. Я через неделю вернусь, и мы обязательно отметим твою новую жизнь. Свободную жизнь.

— Спасибо, — выдохнула ей в плечо, прижимаясь сильнее. Чувствуя, как снова льются слёзы. Только с девочками я могла быть собой. Только с Сашей и Юлькой я могла позволить себе проявлять эмоции, пусть даже самые постыдные. Они не осуждали. Никогда. — Ты даже не представляешь, как я устала притворяться, что у нас всё хорошо.

Мы сидели так долго. Пили уже остывший чай. Говорили ни о чём и обо всём сразу. Я постепенно успокаивалась, слёзы высыхали.

— Знаешь, — сказала я уже почти спокойно, — я ведь только сейчас поняла, сколько себя не жалела. Сколько терпела, закрывала глаза, думала, что ради детей надо. А они, оказывается, всё видели. Всё понимали. Им моя жертва была не нужна.

— Нужно будет поговорить с ними, — сказала Сашуля осторожно.

— Поговорю. Обязательно. — Я вытерла лицо ладонями. — Сейчас немного приду в себя и поговорю. Они у меня молодцы.

Саша уехала следующим утром. А я осталась одна.

Впервые одна.

Сначала тишина давила. Было трудно привыкнуть — не слышать споры детей, не ждать, когда вернётся муж, не прислушиваться к шагам в коридоре. А после я даже начала получать удовольствие от тишины и покоя. Несколько дней ничего не делала. Только созванивалась с сыновьями, но они, кажется, уже почти отошли от того, что случилось. Ну, или по крайней мере делали вид.

Муж звонил, но трубки я больше не брала. Не хотела скатываться в выяснение отношений и оскорбления — а именно так и было бы. Я, конечно, мягкая и терпеливая, но даже моё терпение не настолько огромное.

Через несколько дней я отвесила себе мысленный подзатыльник, приказала собраться и принялась искать работу.

Я считала себя вполне хорошим бухгалтером, так что вакансии рассматривала тщательно и неторопливо. Запас денег был — привычка откладывать на чёрный день наконец оправдалась.

Листала сайт с объявлениями и залипла на одну вакансию.

В тот самый клуб. Где и случилось моё моральное падение.

Оклад приличный, премии, бонусы, отпуск раз в год, соцпакет — всё как полагается. Обязанности те же, что и на моей старой работе, только здесь зарплата больше.

Я вдруг решила: а почему бы нет? Ведь именно с этого клуба и запустился маховик перемен.

Нажала «откликнуться». Через два часа мне перезвонили.

Следующим днём, ближе к обеду, я уже сидела в кабинете директора клуба «Эйфория». Он рассматривал моё резюме, рекомендации с прошлого места работы, которые были выше всяких похвал. Тамара Павловна всегда держит обещания.

Довольно молодой мужчина лет тридцати на вид, рассматривал мои документы с интересом.

— Екатерина Анатольевна, у вас очень достойное резюме, — сказал он, откидываясь на спинку кресла. — Но вы понимаете, что график ненормированный, ночные смены? — Он замялся, покосившись на анкету. — У вас указано, что вы замужем и двое детей.

— Дети уже взрослые, — сказала ему, глядя прямо. — А с мужем никаких проблем не будет. Я видела график, когда откликнулась на вакансию.

— Ну, раз так... Вы нам подходите. — Он протянул договор.

Я взяла, вчитываясь.

Пока я изучала документ, он неотрывно смотрел на меня. Я осталась довольна предлагаемыми условиями и расписалась. Вернула один экземпляр обратно.

— Когда я могу приступить к своим обязанностям, Геннадий Николаевич? — спросила деловито. — Мне нужно будет несколько дней на изучение документации.

— Можете приступить с завтрашнего дня.

Он хотел что-то ещё сказать, но у него зазвонил телефон.

— Простите, я отвечу, — вежливо бросил директор и взял трубку.

— Да, конечно... — ответил он. — Как раз в кабинете. Да, закрыл вакансию. — Он покопался на меня. — Идеально подходит. Нет, в декрет не уйдёт. Тридцать четыре года... — Он замолчал, слушая собеседника.

А я поняла: он с кем-то обсуждал меня. Интересно, а возраст мой здесь причём? Мелькнула мысль, но я не стала задумываться.

— Да, ждём.

Директор отложил телефон и, сцепив руки в замок на столе, улыбнулся.

— Вы не против задержаться на пару минут? С вами хочет лично владелец познакомиться. Сами понимаете, бухгалтер — это можно сказать, самое важное и личное для любого предприятия, важнее даже чем выбор жены.

М-да. Шутки явно не его конёк, подумала я, но всё же кивнула, соглашаясь.

Мы сидели в тишине пару минут.

Потом дверь распахнулась.

Я медленно обернулась.

И застыла.

Словно превратившись в статую.

На пороге стоял он.

Тот самый грех. Тот, кого я считала, что больше не встречу.

Тот, кто смотрел и не трогал.

Стоял и смотрел на меня внимательно. И на его лице — ни капли узнавания.

Дорогие мои, любимые читатели! Если вам нравится книга, не забывайте добавлять в библиотеку. И я буду очень рада вашим комментариям, любым, за исключением тех, что несут в себе оскорбления или откровенный спойлер. И конечно же подписывайтесь на автора, чтобы не пропустить горячие новинки####

С любовью, Тина Сладкова.##

Глава 4

Владелец клуба медленно вошёл, подходя к столу, и я поворачивалась следом за ним, не в силах отвести взгляд. Он всё ещё молчал, а я... Я была в шоке. Настоящем, ледяном, парализующем шоке. Единственное, на что я надеялась — что он действительно меня не узнал. Три месяца прошло. А такие мужчины никогда не запоминают случайных женщин. Тем более тех, с которыми по сути ничего не было.

— Позвольте представить... — начал директор.

— Я сам, — прервал его мужчина, посмотрев выразительно. Геннадий Николаевич быстро встал с кресла, которое тут же занял владелец. — Князев Дмитрий Александрович, — представился он, глядя всё так же — лишь с холодным, профессиональным интересом.

— Очень... — голос сел, подвёл в самый неподходящий момент. Я тихо откашлялась и, приказав себе взять себя в руки, заговорила уже более уверенно. Насколько это вообще было возможно в этой ситуации. — Очень приятно. Орешкина Екатерина Анатольевна.

Дмитрий взял бумаги и принялся рассматривать моё резюме. Медленно, внимательно, будто выискивая что-то. Я сидела не дыша, чувствуя, как каждая секунда растягивается в вечность.

— Можете быть свободны, Екатерина Анатольевна, — сказал он ровным голосом, не отрывая взгляда от бумаг.

Я встала и, выдавив прощальную фразу, старалась идти к выходу медленно и с достоинством, хотя хотелось бежать, раствориться, исчезнуть. И когда уже закрывала дверь, донеслись слова — холодные, жёсткие, не мне, конечно, но мороз по коже всё равно побежал.

— Ты много себе стал позволять, Гена. Ещё раз без моего согласия устроишь кого-то... Дальше я слушать не стала и пулей вылетела из клуба.

На улице, прислонившись спиной к стене, я часто задышала, пытаюсь справиться с бешеным сердцебиением. Подняла взгляд к небу в немом вопросе: за что? За что мне всё это? Это такое издевательство от судьбы за мою трусость? Увольнение, муж, который уже лет десять мне не принадлежит, сыновья, которые оказались взрослее собственной матери, а теперь ещё и это.

Я ведь не смогу работать с ним. Просто не смогу.

Даже не смотря на то, что он явно меня не помнил. Но я-то помнила всё. С абсолютной, кристальной ясностью. Так, словно это было несколько часов назад, а не три месяца. Каждое его слово, каждый взгляд — и то, как я сидела на его коленях, и то, как он смотрел и не трогал, и его хриплое «какая ты голодная».

Всё это стояло перед глазами.

Пока ехала домой, думала: может, я приду завтра, а мне скажут, что не берут? Последние слова, которые я невольно подслушала, внушали оптимизм. Этот Князев явно был не в восторге, что директор нанял меня без его ведома.

Только моим чаяниям было не суждено сбыться.

Следующим днём меня ждали с распростёртыми объятиями. Выделили личный небольшой кабинет, заваленный кучей документации. Вот спрашивается, в век технологий, зачем столько бумаг? Но это всё лирика. Я засела за разбор документации за последний год, вникая, погружаясь в цифры, пытаюсь выкинуть из головы всё лишнее.

Попутно думала: я могла бы сама уволиться. Но не стану этого делать. Я же не трусиха, а взрослая женщина, готовая отвечать за свои поступки, решения и свою жизнь.

И дело, конечно же, не в том, что по договору, который я подписала, уволиться я не могу сама в течение полугода.

Совсем не в этом.

Радовало одно: работа начиналась с двух часов дня и до восьми вечера — как раз до открытия клуба. Тишина, покой, мой личный кабинет. Можно сказать, даже плюсы. А то, что владелец — тот самый мужчина, я старалась не думать. Всё же видеть я его буду наверное не так чтобы часто. А со временем и вовсе привыкну, забуду тот эпизод.

Но я понимала: раз за три месяца так и не забыла, то за неделю-другую вряд ли получится.

Я погрузилась в документы, выкинув все посторонние мысли. Так отвлеклась, что забыла о времени. Оторвалась только когда зазвонил телефон. Глянула на время — без десяти восемь. Вот что значит сбегать от реальности в привычные и понятные цифры. Я даже не вставала поесть, только кофе пила. Тяжёлый, горький, без сахара.

Потянулась, разминая затекшую спину, и ответила на звонок.

— Катюх, ты где? — раздался голос подруги.

— Да вот собираюсь уже выходить. Ну помнишь, вчера в наш чат писала, что нашла работу? — сказала, поставив разговор на громкую и убирая рабочий стол.

— Всё время забываю, что ты теперь в другом месте работаешь. Бросили меня с Сашкой. Одна в Москву укатила — и неизвестно, вернётся ли. Вторая уволилась. С кем мне теперь на обеде сплетничать? — пробурчала Юлия. Но, как и всегда, она была непостоянной, и её эмоции быстро менялись. — А сотрудникам там скидки предусмотрены? — спросила она хитрым голосом.

— Даже не думай, — сразу сказала я. — Давай лучше посидим где-то в кафе.

Я уже выходила из кабинета, закрывая дверь, когда заметила идущего по коридору Дмитрия Александровича. Он поздоровался, даже не посмотрев на меня, продолжая идти в сторону своего кабинета, находящегося неподалёку от моего. Просто короткое «добрый вечер» — и мимо.

А я, словно восторженная шестнадцатилетка, смотрела ему вслед, задержав дыхание.

Чёрная водолазка, идеально сидящая на широких плечах, чёрные брюки подчёркивающие сильные, длинные ноги. Уверенная походка. Спина прямая, как струна. Ни тени сомнения, ни капли неуверенности. Он шёл по этому коридору как хозяин жизни. Что, в общем-то, соответствовало действительности.

Я мотнула головой, возвращаясь к разговору с подругой, и развернулась, уходя. Но меня всё ещё преследовал запах его парфюма. Горьковатый, с ноткой табака и ещё чего-то неуловимо мужского, отчего внутри всё переворачивалось.

Как назло, этот запах врезался в память три месяца назад. И теперь, стоило его ощутить, перед глазами всплывала та самая картинка: полумрак вип-кабинки, бордовая шторка, его тёмный взгляд и его руки, сжимающие бокал с виски.

Я ускорила шаг.

Договорившись с Юлькой встретиться в ближайшем к клубу кафе, я сбросила звонок и вышла на улицу.

Вечерний воздух был прохладным, но не холодным. Весна вступала в свои права. Я глубоко вдохнула, пытаюсь выветрить из головы его запах, его образ, его присутствие.

Столько дел в ближайшие дни предстояло сделать, что голова просто начинала кипеть, стоило только начать думать. Нужно на развод подать. Завтра днём съездить к мальчикам — как раз выходной, и у них весь день свободен. Ещё и квартиру пора присматривать. Сашка скоро вернётся, а я не хотела её стеснять ещё больше.

Я вырулила с парковки клуба, и в голове пульсировала одна мысль: я справлюсь. Я должна справиться. У меня нет другого выбора.

Но где-то глубоко внутри, под слоем дел и обязанностей, затаился страх. Не перед будущим. Не перед одиночеством. А перед ним.

Перед мужчиной, который даже не смотрел в мою сторону.

Перед мужчиной, который, возможно, навсегда останется для меня самым ярким и самым постыдным воспоминанием.

Перед мужчиной, который теперь был моим начальником.

Я помотала головой, отгоняя ненужные мысли, и сосредоточилась на дороге.

Впереди был ужин с подругой. А значит, хоть ненадолго можно будет отвлечься. Выдохнуть. Побывать собой.

Юлька будет болтать, смеяться, жаловаться на жизнь. И это привычное, родное, такое понятное «как раньше» станет лучшим лекарством от всех тревог.

По крайней мере, я на это надеялась.

Глава 5

Я вошла в небольшое кафе, сразу заметив подругу. Она сидела за дальним столиком и вовсю строила глазки официанту.

— Охотишься? — спросила я, присаживаясь на стул и беря в руки меню.

— Не, так, скучно было, — вздохнула она, отпивая кофе.

— Мне, пожалуйста, рёбрышки на гриле и греческий салат, — сказала я подошедшему официанту. Молодой мальчишка слегка краснел, бросая на Юлю взгляды.

Пока несли мой заказ, мы успели с подругой обсудить Сашку — возвращение из Москвы, которой мы ждали с нетерпением. Интересно же узнать, как там столица и чего интересного случилось. Принесли заказ, я утолила голод и всё же решила сказать.

— Помнишь того мужчину? Ну, который три месяца назад нас в клуб пропустил? — спросила я, отпивая свой фруктовый чай.

— Того секси, с которым ты зажгла? — спросила без особого интереса подруга. — Всё ещё забыть не можешь? Да забей, милая. Было и было. Тебя это не делает плохой. К тому же Колька твой вообще не стоит твоих моральных терзаний. Сам кобелина...

— Он оказывается владелец клуба, — прервала я её, смотря в сторону. — И теперь мой начальник.

— Да ну на? — подалась вперёд Юлька, в глазах её зажглись целые костры. — И как? Что он говорит? У вас уже завязался служебный тарарам?

— Акстись, — фыркнула я весело. — Он меня даже не узнал. — И мне самой почудилось в голосе лёгкое сожаление.

— М-да, — цокнула подруга, откинувшись на спинку стула. — Как можно было не вспомнить секс с такой невероятной женщиной?

— Ну-у-у, — протянула, слегка смутившись. Ведь подругам я подробности не рассказывала. — Не то чтобы у нас был секс...

— Чего? — выпучив глаза, поперхнулась кофе Юля. — Мать, я сейчас немного в а... ауте, — протянула она. — Ты же сказала, изменила мужу.

— Ну да. Только секса не было.

— Ясно всё с тобой. На шесть лет меня старше, а как девочка, — вздохнула подруга. — Измена, моя хорошая, это когда другой мужчина засунул в тебя свой... — Я посмотрела мрачно на неё, и она осеклась. — В общем, если полноценного трахтибидоха не было, значит, не считается. Тогда твой Колька — редкостное мурло, а ты — невинная святая женщина, — закончила она убеждённо.

А я сидела краснея и едва сдерживала смехок. На нас уже обращивались с соседних столиков, прислушиваясь.

— Юлёк, прекрати, — сказала я полузадушенным голосом.

— А что Юлёк? Ты когда на развод подашь? — спросила она серьёзно.

— На днях. Ещё документы нужно собрать...

— Не-не, милая, такими темпами ты в конце концов снова решишь вернуться к своему кобелю. Я тебе сейчас номер хорошего юриста скину, — сказала она, взяв телефон и уткнувшись в него. — Хорошая тётка, возьмёт недорого. Скажи, что от меня, скидку сделает. Так сказать, тебе придётся только явиться во всей красе на развод — и всё. А уж потом мы отметим так, что ух!

Юлька уже предвкушающе улыбалась, а мне как-то страшновато стало от её энтузиазма. После вот такого настроения подруги мы с Сашкой вечно оказывались в месте пониже спины.

Посидев ещё часик с подругой, болтая о всякой ерунде, я почувствовала себя лучше. Всё-таки Юлька умела отвлекать своей непосредственностью. Когда приехала домой, решила не откладывать в долгий ящик и набрала юристу. Юлька скинула её контакты в наш общий чат.

Договорилась встретиться с этой женщиной завтра перед работой и отправилась купаться. Столько дел завтра: нужно с мальчишками увидаться, потом с юристом, потом работа. Но лучше так — когда куча дел — чем сидеть в тишине и жалеть себя.

— Ма-а-ам, — недовольно протянул Лёня. — Ну нам уже не по пять лет, чтобы в парк тащиться.

— Заткнись, — беззлобно сказал ему Костик, отвесив лёгкий подзатыльник. — Куда хочешь, мамуль? — спросил он меня.

— Может, зайдём в ваше любимое кафе? — как-то неуверенно спросила я.

— Давай просто прогуляемся, — предложил Костя, смотря вперёд.

— Мальчишки, я понимаю, что не должна была вас оставлять одних с бабушкой, но мне просто нужны были эти несколько дней...

— Мам, ну ты чего? — удивлённо спросил старший, приобняв меня за плечи. — Мы не маленькие, сопلي подтирать не надо. К тому же где попало шлаться нам некогда, сама знаешь — режим. — Он помолчал. — Кстати, у меня скоро будет бой. Придёшь?

— Конечно, родной, — сказала я, погладив его по спине. — Когда я пропускала? Напиши мне потом число и время. А то я уже старенькая, забуду.

— Ой ну ма, — закатил глаза младший. — Не называй себя старой.

Дальше мы просто гуляли и общались. Я сама не решалась с ними начать разговор о Коле и о том, что я подаю на развод. А они ничего не спрашивали. Вообще темы отца не касались. Рассказывали про учёбу, про достижения. И я слушала, давала советы, если надо.

Ближе к часу дня я завезла их к бабушке и помчалась на встречу с юристом. Договорились встретиться в том же кафе, в котором вчера сидели с Юлькой — как раз к работе близко.

— Ну что, — сказала Анфиса, когда я рассказала всё, что ей требовалось. — Я вас услышала. В принципе, если не хотите пока общаться с мужем, вам это и не обязательно. Я сама с ним свяжусь. Если он будет согласен на развод, это, конечно, облегчит процесс, но вас всё равно сразу не разведут. Всё же двое несовершеннолетних детей. Вы уже спрашивали, с кем они хотят остаться? Во время судебного процесса их мнение будет учитываться в первую очередь.

— Нет, я пока не разговаривала с мальчиками, — вздохнула я и, посмотрев на время, написала директору, что задержусь на пятнадцать минут.

— Не затягивайте, — сказала женщина. — Так, я пока подготовлю договор на оказание услуг, вышлю вам вечером на почту. Пока всё. Если устроят условия, подпишем доверенность, и я уже как ваш представитель начну собирать документы и вести переговоры с вашим мужем или его представителем.

На этом мы распрощались, и я помчалась на работу, на которую опаздывала уже чуть больше чем на пятнадцать минут.

В свой кабинет я шла быстрым шагом. Достала ключ, но оказалось — дверь уже открыта.

С замиранием сердца я толкнула дверь, сделала шаг внутрь.

За моим столом сидел Дмитрий Александрович. Откинувшись на спинку кресла, крутил в пальцах ручку и недовольно смотрел в мою сторону.

— Здравствуйте, — сказала, подходя к столу.

Дверь я не стала закрывать. Сама не знаю почему. Просто не хотелось с ним оставаться один на один в закрытой комнате. На это он только едва усмехнулся.

— Второй день на работе и уже опаздываете почти на полчаса, — спокойно сказал Дмитрий, смотря на меня странным взглядом. — Причина?

— Личные дела. Я писала Геннадию Николаевичу, что опаздываю.

— Личные дела не должны касаться вашей работы, — холодно бросил он, вставая. — Впредь такое не должно повториться. И да: если вдруг всё же у вас что-то случится и вы будете опаздывать, должны писать не директору, а мне.

— Но...

— Но что? — сложил он руки на груди. — Екатерина Анатольевна, я специально приехал раньше, хотел узнать текущие дела, а вас не застал. И что скажите мне думать? Куда мог деться мой бухгалтер среди рабочего дня?

— Я ещё до конца не изучила документацию за прошедший год, — сказала, чувствуя, как его присутствие начинает давить. — К тому же я опаздала на двадцать минут, а вы говорите так, словно... словно я обокрала вас и сбежала с вашими денежками на Кипр.

— Занятно. Вы уже думали об этом? — спросил Дмитрий серьёзно, но уголки его губ слегка подрагивали. — Учтите, если решитесь на такое, я вас найду. Ведь ничего и никого не забываю. Особенно если меня обокрали.

А вот это прозвучало очень и очень пугающе. И смотрел он на меня так, словно оценивал, словно сейчас говорил не о деньгах.

— Да я никогда... — сказала и отступила на несколько шагов назад.

Он вскинул бровь с насмешкой в глазах, наблюдая за моим отступлением.

— Работайте, Екатерина Анатольевна. Надеюсь, до завтрашнего дня вам хватит времени разобраться во всём и вы всё же предоставите мне отчёт по текущим делам.

Сказал и вышел.

Я выдохнула. Глубоко, шумно. И только когда дверь за ним закрылась, позволила себе облокотиться о стол и опустить голову.

Сердце колотилось где-то в горле. Ладони вспотели. В ушах стучала кровь.

«Ничего и никогда не забываю».

Он меня всё-таки помнит? Или это просто слова? Игра? Провокация?

Я подняла голову и посмотрела на дверь. Потом перевела взгляд на стол, за которым только что сидел он. На кресло, которое ещё хранило тепло его тела. На ручку, которую он крутил в пальцах.

Я сжала кулаки.

Нет. Я не буду бояться. Я ничего плохого не сделала. Даже если он помнит — я не сделала ничего плохого. Я была пьяна. Я была одинока. Я была несчастна.

И он не трогал меня. Он сам выбрал не трогать.

Я выпрямилась, поправила блузку и села за стол.

Работа. Сосредоточиться на работе.

Документы, цифры, отчёты. Всё, что угодно, только не его взгляд. Только не его голос. Только не его слова.

Я открыла папку и погрузилась в бумаги, пытаясь забыться в привычной, понятной, безопасной реальности цифр и отчётов.

Глава 6

Где-то часов в шесть на почту пришёл договор от Анфисы, и я отвлеклась от бумаг, погрузившись в его изучение. В целом меня всё устроило. Даже цена за услуги была более чем приемлемой — к тому же Юлька плохого не посоветует. Я распечатала договор, поставила свою подпись. Завтра с утра заеду в её офис, чтобы она тоже подписала и заверила печатью — и можно выдыхать. Хотя бы на время перестать думать о разводе, о муже.

У меня так и не появилось желания общаться с Колей, хотя он настойчиво названивал. И уже не только мне — но и Сашке, и Юле, и маме. Пытался узнать, где я. Хорошо, что ему хватает ума пока не караулить меня возле дома подруг. Хотя я всё равно в квартиру Саши возвращаюсь как шпионка: паркуюсь в соседнем дворе, постоянно оглядываюсь, боясь увидеть знакомый силуэт. Пусть и слегка трусливо и совсем не по-взрослому, но мне, чёрт возьми, нужна эта передышка. Нужны несколько дней спокойствия. Несколько дней, когда я не должна никому ничего объяснять, оправдываться, выслушивать упрёки или мольбы о возвращении.

Убрав распечатанный договор, я снова погрузилась в бумаги по клубу. Мне даже стало интересно: кто до меня занимался этим всем? Это ж надо было так вести бухгалтерию — никакого порядка и системы, только хаос. Папки перемешаны, документы не подшиты, отчёты за разные месяцы валяются в одной стопке. Поэтому то, что заняло бы у меня от силы один рабочий день, растянулось на два. Я перебирала бумаги, раскладывала по категориям, восстанавливала хронологию. Медленно, но верно в этом хаосе начинала вырисовываться структура.

К восьми часам я всё же закончила. Устало откинулась в кресле, массируя виски. Глаза щипало от напряжения, шея затекла от долгого сидения в одной позе. Решила немного ещё задержаться — Князев же просил отчёт по текущим делам. Таблицы и цифры уже плясали перед глазами, когда я закончила. Сверила последние суммы, проверила итоги. Вроде всё сходилось.

Ничего себе, — подумала я удивлённо, посмотрев на время. Начало десятого. Я просидела здесь почти на два часа дольше положенного. Но, с другой стороны, завтра уже будет легче. И послезавтра. А сегодня — просто усталость и желание поскорее добраться до дома.

Встала, размялась, привела рабочее место в порядок. Разложила бумаги по папкам, убрала их в ящик стола. Выключила компьютер. Сняла пальто с вешалки и вышла в коридор.

Клуб уже вовсю работал — из-за дверей доносилась музыка, глухие удары баса, обрывки разговоров и смех. Я решила выйти через чёрный ход. Мало удовольствия — встречаться с пьяными посетителями в тёмном коридоре. И вообще, чем меньше меня здесь видят, тем спокойнее.

Толкнула дверь чёрного хода, вышла на улицу.

— Сбегаете, Екатерина Анатольевна? — раздался из темноты голос, перепугавший меня до ужаса.

— Мать моя волшебница! — вскрикнула я, хватаясь за сердце, которое бешено колотилось.

Чуть в стороне от двери чёрного выхода, прислонившись к стене, стоял Дмитрий. И курил. Расслабленный, но от этого не менее опасный. В полумраке его лицо казалось высеченным из камня — резкие черты, тёмные глаза, лёгкая тень щетины. Огонёк сигареты освещал его пальцы.

— Правда? — спросил он с весельем в голосе. — Я смотрю, вы в неё такая... волшебная. — Он сделал паузу, выпустил клуб дыма в сторону. — Кстати, а вы почему так поздно на работе? Я думал, мой бухгалтер уже давно дома и отдыхает.

— Дмитрий Александрович, вы чуть снова не открыли вакансию бухгалтера, — проворчала, немного успокоившись, хотя сердце всё ещё колотилось. — Я, кстати, отчёт сделала, как вы и просили. Если очень срочно нужен — он у меня на столе лежит.

— Завтра сами принесёте, — сказал он, делая последнюю затяжку и выбрасывая окуроч в урну. — Пойдёмте.

— Куда? — спросила, не двигаясь с места. Ноги словно приросли к асфальту.

— Я вас подвезу, — как само собой разумеющееся ответил он, повернувшись ко мне.

— Спасибо, конечно, но я на машине, — ответила, делая шаг в его сторону, но стараясь держать дистанцию. Метр между нами казался недостаточным. Я бы предпочла десять.

— Это был не вопрос, Екатерина Анатольевна. — Он посмотрел на меня так, будто я сказала какую-то глупость. — Такси завтра до работы оплачу. Раз уж вы задержались, делая отчёт, я просто обязан проводить вас и убедиться, что с вами ничего не случится.

— Какой вы заботливый начальник, Дмитрий Александрович, — протянула с лёгким сарказмом, всё ещё не двигаясь с места.

— Вы можете и дальше препираться, но вы всё равно поедете со мной, — пожал он плечами. В его голосе не было угрозы, только спокойная уверенность. — Поймите, мало ли дураков. Тем более это клуб. Вот возьмёт кто-то и проследит за молодой привлекательной женщиной. А мне потом ищи нового бухгалтера.

— Вы сейчас мне сюжет ужастика пересказываете? — выгнула я бровь, всё же идя следом за ним.

Потому что да — как-то жутковато стало от его слов. И это совсем не желание оказаться с ним в машине. Совсем. Просто... просто было темно. И страшно. И он был рядом. И от него пахло табаком и веяло чисто мужской силой и уверенностью от которых внутри разливалось странное тепло.

— Если бы, — бросил он, подходя к серой, большой и внушительной машине.

Помню, Колька на подобную года два облизывался, всё уговаривал взять в кредит, — мелькнула мысль, когда я забиралась внутрь. Кожаные сиденья мягко обняли тело.

Я назвала адрес, и мы поехали.

Сама я как-то не решалась заговорить. А он молчал и, кажется, совсем не чувствовал неудобства от молчания. Его лицо в свете фонарей было расслабленным. Спокойный, уверенный, сосредоточенный на дороге.

А мне было немного некомфортно. Потому что, пусть я и сама согласилась сесть в его машину — хотя могла бы и настоять на своём, отказаться, — всё же как-то другого я ждала.

«А чего ты ждала?» — сразу вырвался внутренний голос.

Но ответить даже себе не получалось. Потому что ответ был слишком постыдным. Слишком неправильным. Слишком... не для женщины, которая только что решила развестись с мужем.

В салоне пахло мужским, терпким парфюмом и табаком. Запах кружил голову, и я поняла, почему вообще согласилась и чего ждала. Во мне вдруг проснулся бунтарский дух под руку с авантюризмом, и мне хотелось чего-то острого, неправильного, на грани. Раз уж я решила на перемены в своей жизни, хотелось сделать что-то дерзкое и не жалеть об этом. Пусть даже это глупо. Пусть даже это опасно. Пусть даже это неправильно.

Я сидела, погрузившись в размышления. А впрочем, зачем мне нужны какие-то недопонимания с начальником? К тому же между нами уже была одна история, которую он, благо, не помнит. Может, мне просто поменять что-то в себе? Или вообще решиться на тренировку по рукопашному бою с Юлькой — она давно предлагает. Или ещё экстремальнее — прыгнуть с парашютом?

От последней мысли повеяло холодом и слишком неоправданным риском. От парашюта я сразу отказалась.

Может, просто покрасить волосы? Или купить то самое пальто, которое висело на вешалке в моей прихожей и принадлежало той девушке? Нет, это уже слишком. Это уже мазохизм.

Так погрузилась в самокопание, что не заметила, как пролетела дорога. Машина Князева уже заезжала во двор Сашиного дома. Фонари освещали пустую детскую площадку и знакомый подъезд.

— Спасибо, Дмитрий Александрович. До завтра, — сказала я, выходя.

— До завтра, Екатерина Анатольевна, — сказал он, глядя на меня слегка тревожащим взглядом.

И мне даже почудилось... А впрочем, это глупости. Мне просто показалось. Усталость, нервы, этот дурацкий день.

Я закрыла дверь его машины и пошла к подъезду. Шаги гулко отдавались в тишине двора. Слышала, как его машина медленно выезжает со двора.

Когда открывала дверь, увидела выезжающую со двора машину, смутно похожую на машину мужа. Я замерла на секунду, вглядываясь в темноту.

Но потом отбросила эти мысли. Уж кто-кто, а Колька не уехал бы просто так, увидев, как я выхожу из чужой машины. Он бы вышел. Устроил бы сцену. Начал бы кричать, выяснять, кто это.

Значит, не он.

Я перевела дух и зашла в подъезд.

Глава 7

Я встала пораньше, чтобы успеть съездить в офис Анфисы. Договор на оказание услуг, подписанный мной вчера, лежал в сумке, и я то и дело проверяла, не забыла ли его. Всё-таки это был первый шаг к новой жизни — официальный, юридический, без права на ошибку. Я даже надела свой самый строгий костюм, чтобы выглядеть уверенно, хотя внутри всё равно немного трясло.

— Отлично, Екатерина Анатольевна, — довольно сказала женщина, ставя подпись и печать. Она внимательно посмотрела на меня поверх очков и добавила: — Теперь можете расслабиться. Я всем займусь. Свяжусь с вашим мужем сегодня же.

Я распрощалась с ней и вышла на улицу. Настроение было просто замечательным. Солнышко светило, грело, словно сама погода радовалась вместе со мной. Я подставила лицо лёгкому весеннему ветерку и улыбнулась. Вдохнула полной грудью — и вдруг почувствовала, как с плеч свалился огромный груз. Не весь, конечно, но хотя бы часть.

До работы оставалось ещё несколько часов. Мальчишки ещё учились. Юлька была уже на работе. И я решила пойти в торговый центр. Порадовать себя чем-нибудь. Деньги были — причём достаточно, чтобы позволить себе маленькие радости.

Но привычка, выработанная годами экономии и бесконечных «возьму что попроще», не давала мне расслабиться. Я ходила между рядами, рассматривала вещи, перебирала ткани, но рука не поднималась взять что-то.

А потом я увидела его.

Просто шикарный, порочный и такой привлекательный комплект белья. Чёрное кружево, мягкое, полупрозрачное, с множеством изящных лямочек, которые обещали быть не просто украшением, а частью какой-то тайной игры. Оно висело на манекене под мягким светом, и казалось, что сам воздух вокруг него вибрирует. Я остановилась, смотря на это совершенство, не решаясь даже прикоснуться.

Банально душила жаба. Ну где это видано, чтобы три кружевные нитки столько стоили? Возмущалась я про себя, переворачивая ценник и округляя глаза. А руки уже тянулись к этому великолепию, пальцы сами гладили кружево, пробовали на ощупь.

«Вот куда ты такое носить будешь? Такое только в постель с мужчиной», — ехидно протянул внутренний голос.

Я вертела комплект в руках, прикусив губу. Понимала, что да. Такое носить просто так глупо. Такое — только в постель. Только для мужчины. Для того, кто будет его с тебя снимать. Для того, перед кем ты захочешь быть красивой, желанной, порочной.

И перед внутренним взором неожиданно вспыхнул образ.

Не мужа. Не Коли, с которым мы прожили семнадцать лет.

А Князева.

Та ночь словно встала перед глазами во всех деталях: полумрак вип-кабинки, его тёмный взгляд, в котором мне мерещилось желание, его сильное тело под моими бёдрами и то, как я двигалась на его коленях, чувствуя его твёрдость даже через ткань, даже без прикосновений.

Я мотнула головой, прогоняя это постыдное, порочное видение, и решительно пошла к кассе.

Пусть это не экономно и бессмысленно. Пусть некуда надевать. Пусть я буду хранить его в ящике комода и иногда перебирать пальцами, вспоминая, как решилась на эту покупку.

Но я подумала: это как с теми туфлями, которые я безумно хотела. Которые потом оказались в моём доме, но принадлежали другой женщине. Хватит уже этих глупых жертв в угоду экономии. Хватит отказывать себе в красивом, потому что «жалко денег». Я больше не хочу жалеть. Я хочу жить. Хочу чувствовать. Хочу быть красивой для себя, а не для кого-то.

Пусть лежит эта красота, — решила я, расплачиваясь и беря брендовый пакет со своей покупкой.

Может, на развод надену. Юлька говорит, что новое, дорогое и развратное бельё придаёт уверенности. Хотя она и про отсутствие белья так говорит, — улыбнулась я, вспомнив смущающие откровенные рассуждения подруги.

Я зашла в кафе, пообедала. Не торопясь, смакуя каждый кусочек, без привычного чувства вины, что трачу время впустую. Посмотрела на часы — до работы ещё полчаса. Успеваю. Никуда не надо спешить.

А когда за двадцать минут до начала рабочего дня приехала к клубу, пришло сообщение от Князева.

«Такси будет через пять минут».

«Я уже возле клуба», — ответила, убирая телефон.

Надо же. Действительно вызвал такси. Я думала, он это просто сказал, чтобы я не спорила. Или чтобы показать, какой он заботливый начальник. А он реально позаботился.

Шла, улыбаясь своим мыслям, и вдруг резко затормозила.

Моей машины не было на парковке. Там, где я вчера её оставила, зияла пустота.

Я обошла всю парковку. Раз. Другой. Третий. В странной надежде, что у меня просто помутилось в голове и я перепутала место. Или что машина стоит в другом ряду, а я её не заметила. Но нет. Машины не было.

Сердце забило где-то в горле. Я быстро вошла в клуб и понеслась к кабинету охраны. На парковке точно стояли камеры. Должны же они были заснять, что здесь произошло.

— Добрый день, — ворвалась я в кабинет без стука, едва переводя дыхание.

— Дамочка, вы... — начал один из охранников, поднимаясь из-за стола и хмурясь.

— У меня машину угнали! — выпалила я взволнованно.

— Не понял. А мы тут при чём? — спросил он с явным раздражением.

— Пожалуйста, посмотрите по камерам, — попросила, стараясь говорить вежливо, хотя внутри всё кипело от беспокойства. — Я вчера оставила машину на парковке, а сегодня её нет.

Честно говоря, я уже начинала переживать, что у меня всё — крыша поехала. А вдруг я реально припарковалась в другом месте и просто забыла? А вдруг вообще сюда не заезжала? Потому что не получалось представить того идиота, которому понадобилась моя довольно старая машина. В ней из ценного была только я, когда сидела за рулём. К тому же здесь камеры, а вокруг полно более достойных кандидатов для угона — иномарки, дорогие внедорожники, спортивные машины.

— Покиньте кабинет охраны! — сказал второй охранник, вставая и складывая руки на груди. — Вы вообще кто?

— Что здесь происходит? — раздался за спиной знакомый голос.

Я резко обернулась. В дверях стоял Князев. Как обычно в чёрном, чёрная футболка, чёрные брюки, с непроницаемым лицом, сложив руки на груди. Он смотрел на сцену с лёгким недоумением.

— У меня машина пропала, — сказала нервно, чувствуя, как голос предательски дрожит.

— В полицию обращались? — спросил он спокойно.

— Нет...

— И не надо. Сейчас разберёмся без лишней суеты, — бросил он, делая шаг вперёд, тем самым заставляя и меня войти внутрь кабинета. — Где оставили?

— Вот тут, — ткнула я пальцем в монитор, на котором отображалась парковка. Рука дрожала. — Я вчера оставила её здесь, а сегодня приехала — а её нет.

— Босс, у дамочки, кажется, фляга свистит, — протянул самый старший охранник, усмехаясь и откидываясь на спинку стула. — Приехала на чём, если машину угнали?

— Не хами, Алексей, — с предупреждением в голосе сказал Дмитрий Александрович.

Охранник мгновенно замолчал, выпрямился и уставился в монитор. А у меня от его тона по коже разбежались мурашки. Властный, холодный, не терпящий возражений. И почему-то этот тон действовал на меня странным образом — одновременно пугал и завораживал.

Мы уставились в экран. Дмитрий сам сел за компьютер, отодвинув одного из охранников, и начал проматывать запись. Быстро, уверенно, словно делал это каждый день.

— Вот, — сказал он, останавливая видео. — Смотрите.

Ровно час назад на парковку приехал Коля.

Я узнала его машину сразу — старая серая иномарка, которую он отказывался менять, потому что «на ходу и ладно». Он вышел, огляделся, подошёл к моей машине. Обошёл её, заглянул в салон. Достал телефон. С кем-то разговаривал, жестикулировал, смотрел в сторону здания клуба. Жаль, что звук камеры не пишут, но и без того было понятно: он что-то замыслил.

Спустя минут двадцать приехал эвакуатор. Коля протянул документы, что-то сказал водителю. И мою машину погрузили на платформу и увезли.

А этот гад ещё и в сторону клуба повернулся, улыбаясь — нагло, самодовольно, с чувством выполненного долга. Сел в свою машину и уехал.

Я смотрела на экран и не верила своим глазам. Семнадцать лет. Семнадцать лет с человеком, который теперь крадёт мою машину и радуется этому.

— Вы его знаете? — спросил Князев, смотря на меня.

— Нет, — вырвалось само собой от поднявшейся обиды и горечи. — Я его совсем не знаю, оказывается.

Дмитрий вздёрнул бровь, но ничего не сказал. Я отвела взгляд, чувствуя, как горят щёки.

— Прошу прощения и за беспокойство тоже, — добавила я тихо. — Это... это мой муж.

— Ясно, — ответил он, рассматривая меня слишком пристально.

Мне совсем не понравился этот взгляд. Словно... словно в нём был укор. Или сожаление. Или что-то ещё, чего я не могла прочесть. Словно он видел меня насквозь и делал какие-то свои выводы.

Я быстро вышла, чувствуя, как не хватает воздуха. В груди давило, в висках стучало, перед глазами всё плыло. Поднялась в свой кабинет быстрым шагом, почти бегом. Закрыла дверь и только тогда позволила себе выдохнуть.

Сначала я просто стояла, прислонившись лбом к холодной поверхности двери пытаюсь вернуть спокойствие. Потом, собравшись с силами, сняла верхнюю одежду, убрала пакет с покупкой и сумку под стол. И только тогда взяла телефон.

Пальцы дрожали, когда я набирала номер мужа.

— О, какие люди! — Коля ответил почти сразу. Голос довольный, даже слащавый, с ноткой издевки. — Катенька! Собственной персоной!

— Какого... — я запнулась, заставляя себя успокоиться, глубоко вдохнула и выдохнула. — Зачем ты увёз мою машину? И как вообще нашёл?

— Ты же такая самостоятельная и решительная, Катенька, — протянул он неприятно, растягивая слова. — Какие-то мужики на машинах тебя ночью катают. На развод подала. Бабу какую-то с документами ко мне подослала.

В его голосе проскользнули нотки злости, которые он пытался скрыть за наигранной ласковостью. Но я их слышала. Отчётливо.

— Ясно всё с тобой, Коля. — Я сжала телефон так, что побелели пальцы, чувствуя, как ногти впиваются в пластик. — А знаешь что? Себе и оставь машину. Ну или Настеньке, Дашеньке, Леночке — или как там её. Подари. — Голос дрожал, но я старалась говорить твёрдо. — Увидимся в суде.

Я сбросила вызов, бросила телефон на стол и закрыла лицо руками.

Семнадцать лет. Семнадцать лет жизни с человеком, который теперь крал мою машину и радовался этому. Который следил за мной, отслеживал, звонил моим подругам и матери. Который, оказывается, был готов на всё, лишь бы сделать мне больно. Лишь бы наказать за то, что я посмела уйти. Посмела не простить. Посмела не остаться.

Я подняла голову и посмотрела на брендовый пакет с бельём, выглядывающий из-под стола. Такое красивое, такое дорогое, такое... ненужное.

Может, Юлька и права. Может, я просто боюсь перемен. Боюсь признаться себе, что хочу не просто свободы. А чего-то большего. Чего-то, что не вписывается в образ «правильной женщины», «хорошей жены», «заботливой матери». Чего-то, что сделает меня счастливой.

Я выдохнула, слёз не было, только горечь и какая-то странная пустота внутри — и села за стол.

Работа. Документы. Отчёты. Это было понятно. Это было безопасно. Это не требовало от меня быть смелой или решительной. Только внимательной.

А всё остальное — потом.

Когда-нибудь потом.

Глава 8

Где-то через час пришло сообщение от Князева с просьбой занести ему в кабинет отчёт, который я вчера делала. Короткое, деловое, без лишних слов. «Зайдите с отчётом».

Пока шла в его кабинет, думала: почему он так рано появился? Вроде как я поняла, он в клубе появлялся перед открытием, ближе к вечеру. Но впрочем, какая разница. Куда больше меня занимала мысль, что Коля забрал машину, и теперь придётся пользоваться обществен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.